

УДК 81'374

ББК 81.2-4

Е.П. Иванова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СЛОВАРЕ: СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассматриваются основные аспекты соотношения коллективного и индивидуального знания в словарном тексте. Устанавливается разнообразие проявления категории интересубъективного и субъективного в качестве одной из онтологических характеристик словаря, обусловленное его внутренней многоплановостью и коренными трансформациями в области лексикографии на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: интересубъективность, субъективность, лексикография, словарная дефиниция, плагиат в лексикографии, электронный словарь.

Иванова Екатерина Павловна — канд. филол. наук, доцент; кафедра романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: eivanova2003@mail.ru, eivanova@mail.lanck.net

© Е.П. Иванова, 2008 г.

Выступая социально значимым объектом духовной жизни общества, словарь, к какому бы типу он ни принадлежал (нормативному или описывающему), обладает кодифицирующим характером с точки зрения его потребителя, систематизируя наши знания о языке и мире, он содержит аутентичную информацию, а сам лексикограф пользуется уважением и авторитетом, которое общество оказывает ему по умолчанию. В этом смысле любой словарь представляет собой в первую очередь дидактическое, обучающее произведение. «Анализ словарных формулировок, характер отношения словарных высказываний к описываемому миру, самый тип сообщения, свойственный словарю, показывают, что словарь относится к дидактическому жанру и обладает всеми основными признаками педагогической речи ... Лексикограф, как и автор учебника, говорит не вполне «от своего имени», он выступает как *посредник* (здесь и далее курсив мой. — Е.И.) между обществом — коллективным носителем речи — и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (*носителя коллективного знания*) воспринимаются как более или менее обязательные *предписания для читателя словаря*, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [Гак, 1977, с. 12]. В связи с этим лексикограф занимается не столько «словарной геронтологией» [Григорьев, 1977,

с. 17], сколько созданием произведения, которое, по словам Пьера Ларуса, дает «à l'esprit une nourriture abondante, sous une forme dense et rapide» [Grand Dictionnaire ... 2004, p. 755]. Однако тот факт, что общество сознательно или бессознательно делегирует лексикографу полномочия не только в области фиксирования и описания лексического состава языка, но и наделяет его правом выступать выразителем коллективного знания, ни в коей мере не означает, что у автора нет возможности проявления своей субъективной индивидуальности. На практике это означает, что составитель словаря должен самостоятельно определиться в решении всего комплекса вопросов, связанных с лексикографическим конструированием (выбор и соотношение лексикографируемых параметров). Кроме того, зачастую субъективность лексикографа приводит к так называемым лексикографическим ошибкам. Показательно, что даже ведущие словари не гарантированы от подобного рода промахов, особенно в области словарных дефиниций. Осмысление подобного рода лексикографических «индивидуальных интерпретаций», равно как и многогранной природы словаря, как представляется, предполагает обращение к более общей проблематике, а именно феномену автора словарного текста и соотношения *коллективного знания и индивидуального знания* в словарном тексте. Одним из возможных подходов в комплексном исследовании подобной направленности может стать изучение *категории интерсубъективности и субъективности* в качестве одной из онтологических характеристик словаря.

Понятие интерсубъективности было впервые сформулировано и осмыслено Э. Гуссерлем в «Пятой картезианской медитации» в рамках трансцендентальной феноменологии, а затем получило развитие в философских воззрениях М. Мерло-Понти, Г. Марселя, П. Рикера, Ж.-П. Сартра и других философов, составивших эпоху в интеллектуальной истории Франции первой половины XX в. Не затрагивая глубоко философского аспекта рассматриваемой категории, отметим, что требование интерсубъективности, под которой подразумевается, что наблюдение может быть повторено каждым отдельным наблюдателем с получением идентичного результата, является важнейшим условием акта научного наблюдения (см. например, [Никифоров, 2006, с.137–138]), базовой формы научного познания. Именно *интерсубъективность* наблюдения свидетельствует об *объективности* полученного результата. В соответствии с этим для словарного текста, который по большей части является отражением коллективного когнитивного пространства, характерно диалектическое соотношение общего и частного, при котором коллективное пространство преломляется через индивидуальное когнитивное пространство автора словаря, которое, в свою очередь, формируется в соответствии с когнитивной базой социума (о различении понятий индивидуального когнитивного про-

странства, коллективного когнитивного пространства и когнитивной базы см: [Красных 1998, с. 45]).

По определению, вне зависимости от того, идет ли речь о словаре нормативного, дескриптивного или энциклопедического типа, он всегда фиксирует слова в тех смыслах и значениях, которые уже установились в языке, т.е. следует за узусом. И в этом плане словарь как инструмент фиксации словарного состава априори является вторичным элементом по отношению к языковому сознанию. Материализуя публичное пространство, автор выступает как субъект, погруженный, с одной стороны, в языковую стихию, функционирование которой подчиняется объективным закономерностям изменений языкового сознания, а с другой стороны, реализующий себя как коммуникативную личность, в поведении которой, как замечает В.И. Карасик, проявляется определенный тип личности, исторически изменчивый и социопсихологически вариативный [Карасик, 2004, с. 360]. Поскольку каждый автор словаря при этом руководствуется собственными социальными, культурными и идеологическими установками, разноплановость толкования одного и того же слова, представленного в разных словарях обусловлена как степенью обобщенности его дефиниции, так и особенностями личностной интерпретации автора. Вместе с тем, как только словарь приобретает объективную форму существования, будь то печатный или электронный вариант, он становится не просто тезаурусом слов, а социально значимым объектом духовной жизни общества, авторитетность представленной информации в котором носит безоговорочный характер.

В этом плане специфика словаря заключается в том, что, представляя результат объективного отражения языкового состояния социума, пропущенного через индивидуальное авторское восприятие, он обладает кодифицирующим характером с точки зрения его потенциальных пользователей. В какой степени знание о словах и референтах, представленное в словаре, является общим, разделяемым коллективом индивидов, использующим данный язык как средство коммуникации и фиксации информации, т.е. *интерсубъективным*, и в какой степени оно маркировано индивидуальностью субъекта, которым выступает автор, т.е. является *субъективным*? Кем является автор в словаре, *составителем*, отбирающим фрагменты знания из общего фонда и объединяющим их в определенном порядке, чаще всего алфавитном, или *творческим интерпретатором*, создающим оригинальное произведение?

Одним из важнейших компонентов словарной статьи является дефиниция слова, которая выступает как объективированный результат одновременно логической, лингвистической и гносеологической операции, направленной на опосредованное, дискурсивное познание окружающей действительности, осуществляемое с помощью языка. Согласно К. Попа, определение выполняет несколько познавательных

функций, среди которых отметим функцию опосредованной передачи информации от одного субъекта к другому, позволяющую производить *социальное объективирование результатов познания* [Попа, 1976, с. 185–186]. Говоря о словарной дефиниции, мы можем, очевидно, предположить, что в ней закрепляется результат индивидуальной рефлексии окружающей действительности субъектом, которое в условиях интересубъективного взаимодействия в рамках общности между познающими субъектами приобретает объективный характер, т.е., уточняя вышеприведенную характеристику дефиниции К. Попа, можно сформулировать, что она отражает *интерсубъективное социальное объективирование результатов познания*.

В связи с этим следует обратить внимание на два обстоятельства. С одной стороны, характер познания субъектом мира является, за исключением объектов, воспринимаемых непосредственно на перцептивном уровне, несамостоятельным, в этом плане совершенно правы те философы, которые говорят о том, что знание о мире представляется «воспитанным» субъекту интересубъективно, а в случае возникновения сомнения предполагается обращение к «области» объективных значений, в основании которой лежит интересубъективное понимание генезиса фундаментальных структур этого мира [Черняк, 1997, с. 66]. С другой стороны, результат интересубъективной рефлексии имплицитно опирается на эпистемологические предпосылки, которые могут быть подвергнуты сомнению или даже коренным образом пересмотрены вплоть до отбрасывания дальнейшими поколениями общности рефлексирующих индивидов, и в этом плане всегда содержит элемент субъективности. При условии понимания, что объект онтологически существует вне зависимости от степени познания его субъектом, субъект должен осознавать ограниченность своей способности познания, и, следовательно, допускать возможность соответствующего «бытия в себе» как объекта, аналогичным образом предполагая наличие в любом другом объекте непознанного остатка или неадекватности интерпретации объекта при его познании. Однако применительно к каждой отдельной научной парадигме интересубъективность как категориальная характеристика наблюдения и, соответственно, его вербализированного результата в виде словарного определения обеспечивает относительную объективность информации, представленной в словарном континууме. Таким образом, словарное определение можно рассматривать как результат мысленного приема, «с помощью которого стремятся не просто осуществить задачу по отысканию, уточнению, разъяснению значения знакового выражения или по расширению некоторого языка S за счет введения нового знакового выражения, но и выполнить требование взаимозаменяемости Dfd и Dfn » [Горский, 1974, с. 101], которое отражает результат познания окружающей действительности посредством индивидуальной рефлексии,

социально объективированный в интерсубъективной общности познающих субъектов, взаимодействие между которыми в конечном итоге и обосновывает объективность полученных данных в рамках конкретных научных или мировоззренческих парадигм.

Развитие рынка лексикографии поставило перед исследователями необходимость осмыслить теоретические положения, связанные с интерсубъективностью и субъективностью в словаре, в частности, определение содержания понятия «новизны», «оригинальности» применительно к словарному делу предполагает рассмотрение вопроса не только в юридическом или этическом аспектах, но и собственно лингвистическом, а именно о том, в какой степени можно говорить о словаре как особом типе текста компилятивного характера, в котором сочетается объективная информация и творческая индивидуальность составителя. Актуальность определения специфики словаря с точки зрения текстовой типологии (словарь как вид составного произведения или словарь как оригинальное произведение?) в настоящий момент особенно очевидна в связи с неопределенностью его статуса в аспекте применения законодательства в области охраны авторских прав. Между тем термин «плагиат» в отношении литературных произведений в последнее время приобрел не столько этическую, сколько юридическую окраску, если судить по постоянно увеличивающемуся количеству судебных дел по разоблачению фактов литературной контрафактной продукции. На сегодняшний день можно сказать, что решения, принимаемые судебной практикой по делам о литературном плагиате, зачастую сопряжены с комплексом субъективных обстоятельств. В чем же сложность определения понятия плагиата применительно к литературному произведению? Исходя из каких критериев можно различить добросовестное заимствование от несанкционированного воровства? Какие меры законодательного плана используются для наказания авторов плагиата? И, наконец, что следует понимать под «оригинальностью» в области литературного творчества? Если ответы на данный круг вопросов применительно к художественному произведению в последние годы были в определенной степени сформулированы законодателем, проанализированы в юридической литературе и постепенно начинают комплексно осмысляться специалистами по литературной критике и психоанализу, то применительно к лексикографии решение этих вопросов в данный момент находится только в стадии постановки проблемы [Герд, 2005].

Наконец, категория интерсубъективности и субъективности приобретает новый аспект в рамках электронных словарей. Электронный словарь настолько стремительно вошел в нашу жизнь, что мы не заметили, как превратились из читателей словаря в пользователей. Между тем, как представляется, речь идет не просто о замене бумажного носителя на электронный и об открывшихся в связи с этим новых воз-

возможностях, а о новой странице в истории словаря. Если многовековую историю поступательного развития бумажных словарей, по словам авторитетного французского специалиста по лексикографии Б. Кемада, можно охарактеризовать скорее как эволюцию, чем творческое обновление [Quémada, 1968, с. 562], то появление в 90-х гг. XX в. первых электронных словарей на CD-Rom ознаменовало качественный, если не сказать революционный, переворот в лексикографии. При этом, с нашей точки зрения, невозможно анализировать радикальные изменения в современной электронной лексикографии вне общих трансформаций культурно-информационного пространства конца XX — начала XXI в., обусловленными сменой культурной парадигмы эпохи галактики Гуттенберга, основанной на печатном тексте, на информационное общество средств массовой информации и компьютерных технологий.

Введение интерактивности в одну из опций электронного словаря, который, в отличие от бумажного аналога, существует в иной системе координат в среде многомерного гипертекста, существенно меняет расстановку компонентов в рассмотрении соотношения интерсубъективного и субъективного и выводит проблему за рамки дихотомии «автор и его произведение», впервые устанавливая равнозначную роль в создании гипертекста со стороны пользователя, который, активно участвуя в поиске, отборе, систематизации полученной информации, становится, таким образом, в определенной степени соавтором словаря.

Рассматриваемая категория приобретает новый аспект на современном этапе развития теории лексикографии, обусловленной спецификой словаря как конкретного продукта, предназначенного для практического использования, в котором в концентрированной и обобщенной форме отражаются различные лингвистические теории, связанные с описанием лексического и грамматического состава языка. В этом плане словарь с первых моментов своего появления из всех других возможных применений умозрительной теории на практике оказывается максимально приближенным к своему адресату, который в конечном итоге проводит его «тестирование» и в соответствии с результатами проверки выставляет словарю объективную оценку и определяет его жизнеспособность, обеспечивая тиражи и вытекающие из этого финансовые прибыли для издателей. Словарь не просто теоретический труд, но в первую очередь предназначен для потребителя, он должен продаваться и приносить доход. Проблема «человек и словарь», «словарь в личности и личность в словаре» [Караулов, 1987, с. 27], обусловленная тем, что «словарь не просто описывает лексику, но обязательно отражает философию эпохи, совокупность этических представлений народа» [Козырев, Черняк, 2004, с. 49], приобретает в современной лексикографии особое звучание, поскольку словарь, превратившись в товарную единицу потребительского рынка, становится совместимым с

экономическими понятиями, связанными с получением прибыли, особенностями маркетинговой политики, в том числе и системой охраны авторских прав его создателей.

В заключение отметим, что проблема соотношения интерсубъективного и субъективного с точки зрения распространения знания, доступного и открытого для всех, получило новый аспект рассмотрения в современную эпоху «третьей индустриальной революции», проходящей под знаком развития информационно-коммуникационных технологий, символом которых стал Интернет. Понятие «общество знания» (knowledge society), автором которого является американский экономист Петер Дракер, введенное в активный оборот в 70-х гг. XX в., означает, что источником происхождения добавочной стоимости в обществе знания становится знание и инновации. Углубление отмеченной тенденции коммерциализации знания привело к началу XXI в. к разделению единого информационно-коммуникативного пространства на две составляющие, определенные и осмысленные в докладе ЮНЕСКО [Bindé, 2005]: собственно *информация*, которая является товаром, и *знание*, предназначенное для публичного пространства, доступ к которому в принципе должен быть открыт всем индивидам. Какое место занимает словарь с точки зрения обозначенного противопоставления знания и информации, в каком соотношении эти понятия объективируются в словарном продукте — очерченный круг вопросов также нуждается в осмыслении в XXI в.

Следует признать, что словарю, который, как мы полагаем, можно рассматривать как отдельный жанр научного стиля, в принципе свойственна внутренняя противоречивость, одним из проявлений которой является его многоплановость — выступая как результат воплощения лексикографической теории с точки зрения его создателей, в глазах потребителя главное достоинство словаря заключается в предоставляемой им возможности оперативного и выборочного извлечения необходимой информации. Многоплановость словаря обуславливает и разнообразие проявлений категории интерсубъективного и субъективного в словарном тексте. С точки зрения соотношения интерсубъективного и субъективного, понимаемого как общего, разделяемого всеми индивидуумами социума, и частного, индивидуального, отражающего субъект автора, можно констатировать действие двух противоположных тенденций. С одной стороны, имеет место очевидное доминирование в словаре его информативной функции, при этом происходит хронологически последовательное движение словаря по пути к его трансформации в *сетевой продукт потребления*, что отражается в целом ряде признаков: униформизация системы дефиниций, сильная концентрация издательских услуг на мировом уровне; объединение лексических баз данных; марке-

тинговые исследования рынка и его потребностей, предшествующие подготовке и выпуску новых словарей; рекламные кампании, сопровождающие предложение словаря на рынке; диверсификация словарей, обусловленная учетом разнообразных потребностей потребителя и т.д. Кроме этого, названия крупнейших издательств начинают функционировать как торговая марка, своего рода *лексикографический бренд*. Словарь все в большей степени превращается из авторского в институциональный или издательский проект, в котором вопросы индивидуального авторства перемещаются в область коллективных форм авторства, что приводит в конечном итоге к обезличиванию авторского участия как субъекта. Вместе с тем в недрах доминирующей тенденции субъективное vs intersубъективное совершенно отчетливо просматривается обратная ориентация — intersубъективное vs субъективное, выражающаяся в активизации выпуска словарей авторской направленности.

Литература

1. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии: Сб. статей. М., 1977.
2. Герд А.С. Закон об авторском праве, понятие «плагиат» и академическая лексикография // ЯЛИК. Язык. Литература. История. Культура: Науч. информ. бюл. 2005. № 64.
3. Григорьев В.П. Поэт и слово: Опыт словаря. М., 1977.
4. Горский Д.П. Определение. М., 1974.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
7. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М., 2004.
8. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.
9. Никифоров А.Л. Философия науки. История и теория. М., 2006.
10. Попа К. Теория определения. М., 1976.
11. Черняк А.З. Проблема удостоверения и опыт intersубъективности // История философии. 1997, № 1.
12. *Grand Dictionnaire Universel du XIX-e siècle par Pierre Larousse*. Encyclopédie. Т. 6. Paris, 2004.
13. Quémada B. Les Dictionnaires du français moderne (1539–1863). Etude sur leur histoire, leurs types et leurs méthodes. Paris; Bruxelles; Montréal, 1968.
14. Bindé J. (dir.). Vers les sociétés du savoir. Rapport mondial de l'UNESCO / Collection Ouvrages de référence de l'UNESCO, 2005.